

ОПУБЛИКОВАНО

УДК 930.85"1930"(571.17)

БЫЛИ ЛИ 1930-е гг. РАСЦВЕТОМ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В СССР?

ЛОПАТИНА НАТАЛИЯ ЛЕОНИДОВНА

к.культурологии, доцент, доцент кафедры истории, Россия, г. Кемерово

Аннотация: автор на основе интервью очевидцев коллективизации доказывает, что культурная работа, социально-политическая и экономическая ситуация в деревне в 1930-е гг. пагубно сказались на народной культуре и не способствовали её расцвету.

Ключевые слова: народная культура, традиции, обряды, песенная культура, праздничная культура, крестьяне.

LOPATINA NATALIYA LEONIDOVNA

PhD in cultural studies, Associate Professor, Associate Professor of the history department,
Kemerovo State Medical University, Kemerovo

WERE WHETHER 1930-IES THE OF FOLK IN THE USSR?

Abstract: Based upon the interviews of the collectivization eyewitnesses the author proves that cultural activity, socio-political and economic situation in the country in the 1930s had a detrimental effect on the folk culture and did not contribute to its prosperity.

Keywords: folk culture, traditions, rituals, song culture, festive culture, peasants

В современном обществе сохраняется понимание того, что советская власть делала всё для развития народной культуры, а 1930-е гг. стали

расцветом народного творчества в СССР. Грамотная идеологическая работа власти во многом сформировала это представление на основе советской культуры – кинематографа, литературы, театральных постановках и т.п. Однако развитие национальной культуры противоречило целям и задачам культурной революции. Ленин рассматривал культурную революцию как способ формирования нового человека с интернациональной культурой. Он полагал, что должно произойти становление социалистической, а затем коммунистической культуры. По его замыслу, новая социалистическая культура должна отбросить всё реакционное, косное, устарелое, но при этом сохранить самое ценное из прогрессивного наследия мировой цивилизации. Для этого все орудия культурной деятельности должны стать средством распространения новой социалистической культуры. Одной из важных целей культурной революции было превращение принципов социалистической идеологии в свои личные убеждения, на основе которых должна была вестись бескомпромиссная борьба с пережитками прошлого, с буржуазными и ревизионистскими взглядами. Следует понимать, что под «пережитками прошлого», «реакционное», «косное» и т.п. понималась национальная культура, формировавшаяся веками вне социалистической реальности, и потому рассматривалась, как архаическая и чуждая советскому человеку. Поэтому, исходя даже из теории, можно предположить, что развитие народной культуры советской властью не предусматривалось.

Представление как обстояли дела на практике, дают интервью с очевидцами коллективизации. Кемеровский научный фонд «Исторические исследования» под руководством доктора исторических наук, профессора Лопатина Л.Н. в 1997-2001 провёл опрос 149 бывших колхозников. Были опрошены очевидцы коллективизации (по современному территориальному делению) в основном Кузбасса, частично Алтая, Новосибирской области, а также бывшие жители Украины, Белоруссии и др. Среди опрошенных 15 человек родились в 1904-1910 гг.; 54 чел. – в 1911- 1920 гг.; 72 чел. – 1921-

1930 г., 8 чел. – после 1931 г. По материалам исследований было опубликовано несколько монографий [8, 9, 10].

Поскольку в первой трети XX века наша страна оставалась во многом аграрной. Поэтому выводы о состоянии культуры в деревне корректно экстраполировать на всё советское общество. Свидетельства очевидцев бесценны. Они передают не только событийную сторону вопроса, но и эмоциональную. Это дает возможность более глубоко изучить явление, выявить неожиданные аспекты для научного исследования. Расширить исследовательское поле.

При формировании колхозов особая роль отводилась культурной работе в деревне. Для Ленина было очевидно, что без культурного крестьянина настоящая коллективизация невозможна. В его понимании культурная работа в деревне – это ликвидация неграмотности крестьян с целью «агитации и пропаганды», «распространения самых элементарных знаний». В соответствии с завещанием Ленина XIII съезд РКП(б) (май 1924 г.) выдвинул задачу культурного роста крестьян, как важнейшую. Принципиально важно, что культурный уровень трактовался только как «поднятие грамотности». Изба-читальня определялась центром культурной работы в деревне [7, с. 86-90]. В этом же понимании культура рассматривалась на последующих съездах партии. Центром культурной работы в деревне стал клуб, в котором проводилась культурная работа с населением. Партийные директивы 1920-50-х годов представляли массовую крестьянскую культуру как архаику, которую следует изжить. Старшее поколение рассматривалось как носитель «мелкобуржуазной психологии» и «пережитков прошлого». В школах и во всех детских организациях формировалось отрицательное отношение к «заскорузлым», «тёмным» и «архаичным» взглядам старших. Таким «тёмным» являлись народные праздники, песни, обряды, повседневные традиции и т.п. Таким образом, шло целенаправленное вытеснение народной культуры.

В рамках культурного просвещения советская власть запретила религиозные праздники и светские праздники времен царской России (день Нового года и 8-9

«царских дней»: день восшествия царя на престол и день его коронавания, дни рождения и тезоименитств царя, царицы, наследника, вдовствующей государыни (если жива), а при Николае Втором и день спасения августейшей семьи – 17 октября по старому стилю). В каждой местности отмечались помимо общепринятых праздников свои, местные, например, память особо чтимых святых и блаженных. По мнению исследователей, Россия была рекордсменом по количеству праздников. В год около 150 праздников (52 из них воскресенье). Для сравнения, например в Австро-Венгрии дней отдыха было только 53 – т.е. воскресенье плюс один день [2, с. 50-51]. В национальной культуре России каждому празднику соответствовали свои обрядовые действия, свои глубокие народные традиции. При подготовке и проведении праздника участвовало всё деревенское сообщество и все поколения «от мала до велика». Специалисты по истории русского быта считают, что в массовой крестьянской культуре не было пассивных потребителей культуры. Люди были сами творцами [12, с. 11].

Запретив традиционные праздники, советская власть пыталась их заменить новыми. В литературе по организации культмассовых мероприятий указывалось, что при организации колхозных праздников и народных гуляний необходимо помнить, что эти большие массовые мероприятия должны носить не только увеселительный характер, но и быть тесно связанным с производственной деятельностью» [6, с. 5]. На праздниках, посиделках разрешалось петь только советские песни. Народные песни признавались вредными. В типичном колхозном песеннике публиковались рекомендуемые песни для праздников: «Интернационал», «Коминтерн», «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу», «Песня о героях», «Замучен тяжелой неволей», «Песня гнева», «Конная Буденного», «Первая конная», «За морями, за горами», «Винтовочка», «Песня о Ворошилова», «Письмо», «Разведчик Чирков», «Песня зей Крымской дивизии», «Партизанская», «Партизанская», «Песня ударниц колхоза», «Песня о девушке партизанке», «Колхозная посевная», «Полюшко-поле», «В чистом поле за курганом», «Заночуй, милочек», «Песня о встречном», «Про кулака Харлампия» (чувашская народная песня), «Пойду ль, выйду ль я», «Ай, во поле липинька» [5, с.

52]. Тексты подавляющего числа этих песен призывают к борьбе, к труду, сопротивлению и не отвечали традиционным запросам крестьянского сообщества.

Веками каждое значимое событие жизни сопровождалось песней – рождение, смерть, свадьба, работа, уход в армию. Коллективная песня сопровождала крестьянина всю жизнь. В детстве и юности большое место в музыкальном образовании занимала семья. Пели песни во время работы и отдыха. Были песни молодёжные, мужские, женские, духовные, игровые и мн.др. К исполнению песен приобщалась все члены крестьянского социума, всех возрастных групп [12, с. 15].

О традициях песенной культуры на селе все 149 опрошенных бывших колхозников вспоминали охотно: «А знаете, хоть голодно было жить в колхозе, но весело. На работу и с работы с песнями шли. А почему так, не знаю. Наверное, песни были красивыми», – вспоминала Т.А. Климова (1914 г.р) [9, с.100]. «Работали с песнями. Солнце – на закат, а мы домой идем и песни поем. Хоть материально бедно, но дружно и весело жили. Это еще со старых обычаев осталось – чтобы все вместе на празднике, и чтобы – без пьянки. Сейчас как вспомню, душа замирает. Такое нашим отцам от их отцов досталось. Но при нас оно постепенно ушло», – рассказывала В.П.Васильева – 1928 г.р. [9, с.108].

Причем «ушло» – за два-три десятилетия, в течение жизни одного поколения. Все опрошенные засвидетельствовали деградацию песенной культуры уже в 1950-е. Причины называли разные. Например, Н.Ф. Машковский (1921 г.р.) связал это с появлением совхозов, которые не полюбились людям [9, с. 208]. Точно определила причину К. Бабилова – 1928 г.р.: «Мама говорила, что раньше в старину люди часто пели. Истребили в нас традиции предков!» [9, с. 353].

Очевидно, что причины ухода коллективной песни из жизни крестьянина следует искать в изменении всего уклада крестьянской жизни из-за колхозной организации труда и распределения, изменений взаимоотношения между властью и крестьянским обществом, запрета религии и религиозных праздников, радикальных трансформаций семейных отношений, культурной политики.

Фактический запрет на религию привел к утрате духовного пения. Изменение семейных отношений и формирование негативизма к старшему поколению

приводили к утрате преемственности в музыкальном воспитании. Перманентные материальные трудности колхозников крестьян, голод не способствовали проявлению светлых эмоциональных чувств, выражаемых через песню.

Обилие песен – это отражение не только культурного развития людей, но и уровня их экономической состоятельности и благополучия. Исполнение песен требует, как душевных сил и вокальных данных, так и определенного физического и психического состояния. Поэтому десятилетия материальных лишений крестьян способствовали деградации песенной культуры. Песенное творчество крестьян веками рождалось на основе свободного труда. Колхозный же труд был принудительным, исключал трудовую творческую инициативу и поэтому не способствовал народному творчеству. В колхозе действовал принцип всеобщей трудовой повинности. Все респонденты вспоминали, что нельзя было не выйти на работу, следовало уголовное наказание. Даже болезнь не являлась уважительной причиной невыхода. При этом не было отпусков, выходных, декретов и т.д. Отсутствовала денежная оплата труда, и то, что выдавалось раз в год на трудовни, было недостаточным для колхозников. «Из века в век люди жили по принципу: «Заработал – получи!». А здесь стало: «Заработал, а получить – нету», – говорила Трофимова Е.Ф. –1919 г.р. [9, с.182]. Система доносительства останавливала творческую поэтическую и музыкальную импровизацию крестьян, традиционно выражаемую в русской частушке. Традиционно в частушках высмеивали не только себе равных, но и без последствий для себя помещиков, «барышень», начальников [11, с. 655]. Но при советской власти это стало невозможным. Варвара Ивановна N – 1914 г.р. вспоминала: «На деревенских вечерках бывали частушки про власть с солеными словами. Пели их, конечно, скрыто. Но порой осмеливались и на открытое пение. Только потом эти певцы куда-то исчезали. Постепенно такие частушки слышались все реже и реже» [8, с. 48]. Поэтому, говоря о коллективном песенном творчестве во времена советской власти, следует иметь в виду, что коллективная песня – это не результат деятельности советской власти, а проявление вековых народных традиций. И

именно из-за действий советской власти эти традиции ушли в течение одного-двух поколений.

Песня как элемент народного творчества в годы советской власти во многом утратила свое значение, в том числе и по причине изменения праздничной культуры. Среди почитаемых в народе культурных традиций важнейшее значение имела свадьба, которую играли как театральное действо. Сложная структура свадебного ритуала формировалась на основе древних традиций, была одним из наиболее устойчивых компонентов традиционно-бытовой культуры. Свадебные обряды веками были одинаковы для всех сословий от князей до крестьян. Жениха и невесту называли «князем» и «княгиней». Гонения на религию уничтожили свадебные традиции, которые имели важное социокультурное значение.

Играть свадьбу постепенно перестали также в связи с тяжелейшим материальным положением колхозников. Перестали играть её в той обрядовости, которая формировалась веками. Учительница Е.Ф. Чечевская – 1917 г.р. воскликнула: «Что Вы, какая свадьба? Жрать нечего было! Николай с друзьями приехал. Друзья уехали, а он остался. Мы сошлись и – все!» [9, с. 130]. Доярка А.К.Федорина – 1918 г.р. говорила об этом же, и почти теми же словами: «Никакой свадьбы у нас с мужем не было. Сошлись – и всё. Свекровь ушла, оставила нам одно ведро, две ложки да чашку. Вот и всё хозяйство» [8, с. 49]. К.Д. Бабилова – 1928 г.р. буднично сказала: «Как-то так получилось, что я и мои подруги не дружили со своими будущими мужьями. Просто сходились и всё. Некогда было дружить. Как-то не до свадеб было. Мой с армии пришел, мы с ним и сошлись» [9, с.353]. Словом «сошлись» значительное число опрошенных определило факт образования своей семьи. Таким образом, они засвидетельствовали, что из национальной культуры ушёл целый пласт народной культуры, который ранее сохранялся многими веками.

По рассказам респондентов, свадьба до колхозов была праздником для всей деревни и праздновалась после уборки урожая. В свадебном обряде принимали участие все поколения. Застолье было важной, но не основной

частью свадьбы. По их словам, в 1950-е празднование свадеб вернулось, но из них ушли сложные традиции, обряды. Свадьба превратилась в застолье. Это же отметил писатель В. Белов в своём рассказе «Свадьба». Он описал целое явление характерное для 1950-60-х гг. В диалоге людей старшего поколения собеседники сетуют, что парни не ухаживают за девушками, а скорее те вешаются им на шею, что всегда было позором. Через рассказ пожилого человека представлен новый вид современной свадьбы. Старик негодовал, что невесту после загса сразу отвезли в родильное отделение. Свадьба, несмотря на отсутствие невесты, состоялась. Жених на свадьбе приставал и к теще, и к свидетельнице и они отвечали взаимностью. Описана огульная непристойная пьянка мужчин и женщин: «Напились дозела». Рассказчик, зная старые свадебные обычаи, сетует: «Разве это свадьба? Не свадьба, а что-то вроде дарового банкета» [1, с. 511-512].

С потерей свадебных традиций была потеряна часть национальной культуры, в том числе и песенной. Традиционная песенная культура исчезала и в связи с запретом народных праздников.

Большинство праздников на Руси имели религиозное основание. Храмовый праздник на русской земле особо почитался всей общиной и организовывался по определенному ритуалу. О праздниках с удовольствием вспоминали респонденты. М.Н. Ленцева – 1915 г.р.: «Всей деревней праздновали Рождество, Масленку, Пасху, Троицу. Гуляли неделю. Ходили толпой из дома в дом. Но это было до колхозов. Гуляли, пока советская власть не запретила. Кончились наши праздники. Мы, как чокнутые, стали. Работали и работали. Знали одну только работу. Жили..., как не знаю, кто!» [9, с.121].

Российская крестьянская трудовая культура веками выработала целую систему ограничений и запретов на работу в праздничные и воскресные дни. Это объясняется исключительно высоким напряженным трудом российского крестьянина, который должен был сделать за краткий российский сельскохозяйственный период (4-5 месяцев в году) то, что западный крестьянин делал за 9 месяцев. Поэтому напряженный труд в значительной степени

компенсировался праздниками и воскресеньями. Министерство земледелия привело количество праздников на селе на начало XX в. – 120-140 дней в году, причем порядка 74 выходных приходилось на время сельскохозяйственных работ – с апреля по сентябрь [12, с. 121-122].

В советское время не сразу ушла из деревни традиционная праздничная культура. Крестьяне сначала пытались перенести старые традиции в советские праздники. Дарья Михайловна N – 1912 г.р. вспоминала: «Праздники мы отмечали весело. Собирались всей улицей, кто, что принесет. Пообедаем, а тут и гармошка заиграла. Плясали. Песни и частушки пели. Так мы отмечали и 7 ноября, и Рождество. Потом опять тяжелые времена настали. Всех подряд называли врагами народа и ссылали. В тридцать седьмом забрали и моего отца, и моего мужа. Не до праздников стало» [8, с. 51].

Празднование религиозных праздников стало небезопасно, это могло быть поводом для репрессий. По словам респондентов, праздники стали отмечать почти тайно и только у себя дома. Исчезли народные гуляния всей деревней. Результатом явилось то, что праздники потеряли свою обрядовость, со временем утрачивались детали, передаваемые из поколения в поколение, за которыми стоял глубокий социокультурный, духовный смысл. Уже к началу 1950-х годов, как отмечали респонденты, пришло время, когда обрядовые детали праздников стало некому передавать. Молодежь уже праздновала советские праздники, не интересовалась традициями, считая их темной архаикой. Атеистическое воспитание и отсутствие массовости праздников привели к исчезновению преемственности поколений.

Респонденты вспоминали, что в 1960-е годы, советская власть сняла прямой запрет на празднование религиозных праздников. Позже были сделаны попытки массово праздновать некоторые народные праздники, например, Масленицу. Но традиции уже были утрачены. Молодое советское поколение не знало сути праздников. Лишенный традиционной содержательности праздник потерял свое культурное основание, превратившись преимущественно в выпивку. О взаимосвязи православия и российской культуры много писал философ И.Ильин. Он считал, что вся история христианства есть, не что иное, как единый и великий

поиск христианской культуры [3, с. 295]. И.Ильин был уверен, что религия является основой любого народа и для понимания народа нужно заглянуть в сферу его религии и веры [4, с. 468]. Струве П.Б. был убеждён, что религия есть основа общества: «...без религии человечеству угрожает одичание и звериное состояние» [13, с. 114]. Поэтому борьба с религией так негативно отразилась на культуре народа и на праздничной культуре, в частности.

Особенностью народной культуры является её доступность и понятность для народных масс, когда люди могут быть и исполнителями, и зрителями. Вся система русской обрядности имела коллективный характер, поскольку функционировала и воспроизводилась из поколения в поколение не за счет отдельных лиц, а за счет того, что каждый из ее структурных комплексов подлежал к исполнению определенным сообществом сверстников. В обряде закодирована идеология патриархальных обществ. В обрядах коллективная память общины консервирует целые сколки деятельности, поведения и мировоззренческие основы людей прошлых эпох. Стойкость наследственной информации о прошлой жизнедеятельности людей связана с социально-психологическими факторами. При подготовке и проведении праздников формировалась взаимопонимание и единство разных возрастных групп, полов, социальных групп (бедные – богатые крестьяне, помещики – крестьяне и др.), крестьян соседних деревень ближайших городских поселков, городов и др. Система советских запретов и проведение культурной работы явились причиной исчезновения народных традиций и обрядов.

Для формирования советских традиций и проведения советской культурной политики в деревне советская власть создавала клубы, в которых работали кружки по интересам, позднее показывались кинофильмы, ставились самодеятельные спектакли, устраивались танцы. О сельских клубах отдельные респонденты вспоминали с теплотой, но большинство – с безразличием. Клубы не могли заменить людям то, что давали традиционные деревенские праздники. Во-первых, по словам респондентов, клубы были не в каждой деревне. Во-вторых, их посещали не все жители, в основном на танцы в клуб приходили неженатая молодежь и подростки. В-третьих, специальными директивными документами

работа клубов регламентировалась в качестве центров политпросвещения. Развлечения в клубе носили идеологический смысл. В-четвертых, работа клубов строилась по принципу – исполнитель и зритель, что не соответствовало народным обычаям. В.Г.Марковская – 1915 г.р. в грустью вспоминала: «Кроме клубов в деревне никаких развлечений, никакой радости не осталось» [9, с.118]. Подлинное развлечение для людей в их воспоминаниях связано со временем, когда «гуляли всей деревней». Радость они связывали с посещением церкви. Н.Д. Дмитриева – 1914 г.р. высказала общее настроение респондентов: «Клубы были созданы для того, чтобы люди не бежали из колхозов и не посещали церковь. Там всегда было холодно, и люди перестали их посещать. Да и то сказать! Клуб – не церковь. В церковь люди ходили охотно. Там у них наступало успокоение, забывалось всё плохое» [9, с. 105]. На протяжении столетий христианство боролось с язычеством, но полностью уничтожить его так и не смогло. Произошла интеграция языческой и христианской культур: Масленица, Родительский день и др. Ожесточенная борьба с церковью в годы советской власти привела к тому, что за несколько десятилетий были забыты христианские верования, обряды, праздники и т.д. Веками формировавшаяся культура почти исчезла всего за несколько десятилетий. Носители традиций были либо уничтожены физически, либо не смогли передавать свой культурный опыт из-за опасений репрессий или из-за неостребованности молодежью. Молодые люди с подачи власти отвергали культурный опыт предков как «архаичный», «устаревший», «мракобесный», «буржуазный», «пережиток прошлого». Это формировалось через пионерские и комсомольские организации, через книги и фильмы, через школы, техникумы и вузы. Таким образом, прерывалась преемственность традиций, и формировалось неприятие культуры предков. Советский опыт показал, чтобы подорвать национальное культурное наследие, достаточно прервать на одно-два поколения цепь передачи традиций. За несколько десятилетий советская власть сделала с христианством то, что церковь не смогла сделать с язычеством за несколько веков.

Таким образом, углубленные интервью с очевидцами коллективизации свидетельствуют о потере традиционной массовой народной крестьянской

культуры. Поэтому о расцвете народного творчества в 1930-е годы не приходится говорить не только в деревне, но и во всей стране, поскольку колхозное строительство затронуло большую часть населения СССР. Следует констатировать факт пагубного влияния советской власти на народное творчество. Создавалась советская интернациональная культура, что противоречит народной. О формировании новой интернациональной культуры говорил Ленин в своих задачах культурной революции. Интернациональная культура исключает национальную. Поэтому следует признать успешность проводимой политики советской властью по формированию советской культуры, а не народной.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

- ❖ [КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ КАК ПРИЧИНА ТРАНСФОРМАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТРУДА;](#)
- ❖ [ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖАНР «УСТНАЯ ИСТОРИЯ» ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ В ДЕРЕВНЕ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ](#)
- ❖ **И ДРУГИЕ СТАТЬИ НА САЙТЕ <https://istor-issled-lopatin.ru>**

Список литературы

1. Белов В. Избранные произведения в трёх томах. Т. 1 Роман и рассказы. – М., Современник, 1983. – 591 с.
2. Горянин А. Мифы о России и дух нации. Pentagraphic. – М., 2002. –335 с.
3. Ильин И. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т.1. – М., 1996.
4. Ильин И. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т.6. Книга 2. – М., 1996.
5. Колхозный песенник. Ред. Иорданский М. Новое издание, пересмотренное при участии ЦДНСКА им. Н. Крупской. – М., 1935. 52.

6. Колхозное строительство. Учебное пособие для советско-партийных школ, марксистско-ленинских кружков и курсов системы колхозцентра СССР. – М-Л: Колхозцентр, 1930. – 332 с.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. – Т. 3. – М., 1970.
8. Лопатин Л.Н., Лопатина Н. Л. Антилиберализм и либерализм в Кузбассе. – М., 2003. – 103 с.
9. Лопатин Л. Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют). – Кемерово, 2009. – 443 с.
10. Лопатина Н. Л. Коллективизация 30-х годов XX века и ее влияние на изменение социокультурного облика российской деревни (по воспоминаниям очевидцев). – Кемерово, 2005. – 137 с.
11. Максимов С.В. Куль хлеба. – Л., Лениздат, 1987. – 655 с.
12. Русские: семейный и общественный быт. Ред. Громько, М.М., Листова Т.А. – М., Наука, 1989. – 336 с.
13. Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935). – Москва- Париж, Русский путь – YMCA – PRESS 2004. – 870 с.

